

П
О
Ч
Е
М
У
?

КРИЗИС В РОССИИ: КОНЕЦ СИСТЕМЫ?

НАЧАЛО
ПУТИ?

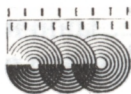
Григорий
Явлинский

Москва
1999

Григорий Явлинский

—— **КРИЗИС В РОССИИ:**
конец системы ?
начало пути ?

Москва
1999

Книга подготовлена на основе записи, сделанной для радио «Свобода» и «Общей газеты». Она не претендует на научное исследование. Некоторые повторы и упрощения в тексте связаны с особенностями устной речи.

В ближайшее время работа будет опубликована с дополнениями и предложениями по выходу из кризиса.

Отдельные, наиболее значимые экономические и политические положения, тезисно сформулированные в этой книге, специально исследованы в научной монографии автора, посвященной экономической теории переходного периода, которая увидит свет осенью 1999 года.

Автор выражает признательность **К.Г. Кагаловскому** за дружескую поддержку при публикации этой книги.

ISBN 5-89069-013-2

© Г.А. Явлинский, 1999

© Центр экономических и политических исследований, ЭПИцентр, 1999

СОДЕРЖАНИЕ

ФАКТУРА КРИЗИСА

Попытка Горбачева	6
Формула повышенного риска — 1992 год	9
Балласт — за борт	10
Экономика в долг	12
Раскаты грома	14
Олигархия в действии	17
Мотивы 17-го августа	19
Персональная ответственность	21

ОЛИГАРХИЯ

Рождение капиталов	23
Владельцы капиталов становятся олигархами	25
Олигархия и ее влияние на власть	28

ПРИЧИНЫ КРИЗИСА

Экономические причины	32
Политические причины	36
Информационные причины кризиса и свобода прессы	38

О МОРАЛЬНОЙ СТОРОНЕ ДЕЛА

Утилизация мечты	41
Стиль проведения реформ	44
Коррупция на службе демократии	46
Москва и москвичи	47

РОССИЯ И ЗАПАД

Роль Запада в нашем кризисе	49
Российские реформы как фактор внутренней политики западных стран	52
Западные инвесторы	54
Роль МВФ	55
Конец «американо-азиатских» иллюзий	56
Опасности	59

В ИТОГЕ

Политические последствия	60
Мучительный конец советской системы	61
Власть сегодня	64
Несколько слов о поиске перспективы ..	66
Вместо заключения	69

В России заканчивается этап очень серьезных экономических и политических изменений. Шесть лет в стране нарастал кризис. 17 августа 1998 года был включен часовой механизм завершения еще одного этапа советской эпохи. В 1999-2000 году мы станем участниками рождения России нового времени.

Причины кризиса девяностых годов лежат в экономике, политике, в информационном сопровождении того, что происходило в стране, в той роли, которую играл Запад, в стиле ведения российских реформ. А собственно 17 августа — это только сюжет, в котором кризис реализовался.

У этого сюжета есть свой спусковой крючок. Есть причины, которые связаны с политикой последних трех лет и есть фундаментальные закономерности, проистекающие из концепции экономической реформы, которая началась 1 января 1992 года.

После 17 августа общество впервые начало обсуждать, как выходить из положения. Но все пошло, к сожалению, по кругу. Начались повторы: российские политики, представители международных финансовых

организаций говорят то же самое, что мы слышали все это время. Люди задают вопросы, из которых следует, что мало кто имеет представление о том, почему же все так случилось с нашей страной.

И все может повториться снова, если не найти главные промахи и ошибки. Если не понять истоки того, что произошло и не извлекать уроки.

Попытка Горбачева

С 1985-го по 1991-й год Президент СССР Михаил Сергеевич Горбачев более или менее удачно занимался политической реформой. Он, пусть с опозданием и крайне непоследовательно, стремился демонтировать тоталитарную систему. Трудно с точностью говорить о мотивах действий и конечных политических целях Горбачева (последних, возможно, попросту не было), но в одном ошибиться трудно: Михаил Сергеевич активно не хотел возврата к сталинщине и продолжения холодной войны с Западом. К 1985 году способ политического управления Советским Союзом мало изменился со времен Сталина, и Горбачев хотел скорректировать его таким образом, чтобы власть не должна была постоянно угрожать репрессиями своим оппонентам. И уже одно это оказалось политически революционным, хотя все, что пытались делать, не было оформлено ни в какую системную концепцию. Коммунистическую систему пытались приукрасить, пытались сохранить многие ее

фундаментальные основы, но она неуклонно разрушалась. Действительность менялась кардинально. Появилась публичная политика. Но самая очевидная для страны линия политической борьбы между Ельциным и Горбачевым, как оказалось, была чисто конъюнктурной, не связанной с последовательным идейным воплощением определенной программы.

Экономические действия Горбачева были робки и незначительны. Он полагал, что его указания могут к чему-то привести не только в политике, но и в экономике, а этого не произошло. Велосипед, на котором ехал Горбачев потому и сломался, что он крутил только одну педаль.

Горбачев был медлителен и нерешителен. Ельцин после победы над ГКЧП решил предпринять натиск. Но ни у него самого, ни у его советников уже тогда не было никаких четких представлений о том, что же именно они хотят сделать и чего именно хотят достичь. Кредит доверия Ельцину в тот момент был огромен. Он решил "ввязаться в драку", опираясь на самые простые решения административного характера и подчеркнуто отказавшись от каких бы то ни было программных представлений о целях реформ. С осени 1991 года российская власть перестала что бы то ни было внятно объяснять гражданам. Просто одно за другим стали объявлять решения, о смысле которых каждый мог догадываться по-своему.

Формула повышенного риска — 1992 год

В 1992-м году в России начались экономические реформы¹. Перед теми, кто занимался российской экономикой, встала принципиальная задача обеспечить условия экономического роста. Была выработана некая концепция, смысл которой заключался в трех пунктах. По мнению правительства Гайдара, для достижения экономического роста было необходимо, во-первых, довести уровень инфляции до нескольких процентов в год, во-вторых, удерживать неизменный курс рубля по отношению к доллару и, в-третьих, сохранить за Ельциным пост президента. (Насколько же примитивным представлялось изменение экономики в России: три условия — и все).

При этом, не были приняты во внимание особенности российской экономики: отсутствие реальной частной собственности, структурные перекосы, монополизм, большой удельный вес оборонных предприятий, чуждость культуре рыночных отношений, большая территориальная протяженность страны.

Необратимость реформ должна была быть обеспечена стремительностью реали-

¹ Здесь речь идет лишь об одной, но важнейшей части экономической политики — обеспечении экономического роста. Вопросы приватизации в России заслуживают специального рассмотрения. (Прим. автора)

зации этой схемы. Знакомая большевистская идея: в России будут самые быстрые темпы снижения инфляции, самые невиданные темпы приватизации. Быстрая реализация примитивной схемы породила ряд особенностей: российскую олигархию, непрозрачность и полукриминальность экономики, 80-ти процентный бартер в экономическом обороте, искусственные способы подавления инфляции, нереформированность расходной части бюджета, постоянный обман международных финансовых организаций.

Эта формула повышенного риска привела в конечном итоге к 17 августа 1998 года.

Балласт — за борт

Реализовать триединую формулу в короткий срок можно было только отказавшись от специальных усилий по трансформированию экономики России. Было принято решение прекратить финансирование той части экономики, которая «мешала» выполнению задачи. Но это касалось всей неконкурентоспособной постсоветской экономики.

В начале 90-х российские цены были слишком быстро выведены на мировой уровень, рынки сбыта существенно уменьшились, поэтому спрос на наши товары практически исчез. Если раньше некоторые из них были конкурентоспособны хотя бы по цене, то быстрое движение к мировым ценам устранило это преимущество. Из кон-

курентных отраслей остались только отрасли, связанные с экспортом нефти, газа, частично ВПК.

Произошло сокращение инвестиционных, промышленных программ и расходов на социальную сферу. В 1992 году правительство в целях борьбы с инфляцией встало на путь сознательной невыплаты людям заработной платы. В 1992 году министр финансов Барчук получил указание от Гайдара, исполнявшего обязанности премьера, не платить никому и ничего. В дальнейшем это стало обычной практикой. В бюджет записывались цифры, не имеющие обеспечения, до бюджетных организаций ничего не доходило. Неплатежи росли, как снежный ком.

В результате всего этого большая часть экономики перешла на бартер, т. е. на натуральный обмен. К началу 1998 года бартер составлял 75 процентов экономического оборота страны (сегодня он больше 80%, если учитывать и денежные суррогаты, векселя и прочее, что не связано с реальным денежным оборотом).

Бартер стал неэффективной формой банкротства тех предприятий, которые были вытеснены из экономического оборота. Конечно, с одной стороны, за счет бартера поддерживался хоть какой-то уровень занятости. С другой, стало невозможно собирать налоги. И это оказалось решающим фактором дальнейшего экономического кризиса.

Отсутствие налоговых поступлений означало невозможность формирования сбалансированного бюджета и, как следствие, рост задолженности перед армией, наукой, образованием, медициной. Государственные финансы оказались в плачевном положении. Из этого стали искать выход в том, чтобы скомпоновать налоговый кодекс. Этим занимались разные люди, результат работы у них вышел громоздким и противоречивым. Главным, как и во многих предыдущих начинаниях, стало вовремя отчитаться о написанной работе. И при этом ни российским сановным экономистам, ни западным специалистам оказалось невозможно объяснить главного: при создавшейся системе бартера и суррогатов просто не с чего собирать налоги.

Экономика в долг

Среднесрочные причины кризиса были следующими. Для того чтобы покрывать дефицит, нужно было занимать деньги в долг. Сначала брали в долг в стране, а потом, когда долговой наркотик впитался и потребовалось увеличивать дозы, — за рубежом. В стремлении сбить доходность по государственным ценным бумагам стали копировать мексиканский опыт, приглашая на российский финансовый рынок все больше нерезидентов. Расплачиваться по долгам собирались из налогов с работающей части

экономики, которая обязательно появится, когда «три источника и три составные части» приведут к экономическому росту.

Крупнейшие российские банки с большим энтузиазмом занялись игрой на рынке ГКО (государственных краткосрочных обязательств), потому что государственные обязательства — самые надежные. Бизнес всегда ищет способ получения максимальных прибылей при минимальных рисках. Однако российские банки оказались особенно склонны к проведению исключительно авантюрной политики. Во-первых, они начали брать огромные кредиты под залог российских ценных бумаг в западных банках. Во-вторых, банки активно заключали форвардные контракты на продажу валюты на август-декабрь 1998 года по курсу на начало года, полагаясь на стабильность этого курса. Объемы кредитных обязательств и форвардных сделок, по нашим данным, составили к середине августа около 20 миллиардов долларов.

В начале процесса формирования «пирамиды» ГКО у коммерческих банков было примерно три миллиарда долларов необеспеченных кредитов. На эти деньги они покупали номинированные в валюте обязательства Минфина, закладывали их в иностранных банках, получали под этот залог деньги, покупали новые бумаги, снова их закладывали и получали прибыль на основе разницы процентов, которые они платили за кредит, и доходности бумаг, которыми торгова-

ли. Так как разница была небольшой, прибыль старались получить на увеличении объемов сделок. Параллельно шел процесс покупки-продажи ГКО, доходность по которым все время росла, поскольку правительство никак не могло свести концы с концами. Так и была построена пирамида, рухнувшая в августе 1998 года.

В конце 1997 года Чубайс смешно и торжественно провозгласил, что у нас 0,4% экономического роста. Эта цифра нужна была для того, чтобы убедить (обмануть) мировых инвесторов и всех работодателей, что экономический рост уже начался. Под такие обнадеживающие заявления стали занимать все больше денег. Зависимость от спекулятивного иностранного капитала становилась огромной. Ловушка, поставленная еще в 1992 году примитивной ускоренной реформой, во всю открыла свою пасть и ждала момента, чтобы захлопнуться.

Раскаты грома

В 1997 году все три условия формулы состоялись: Ельцин остался президентом, инфляция была низкой, обменный курс рубля — устойчивым. Не было только экономического роста.

Различные расчеты свидетельствуют, что около 40 % российской экономики находятся в «тени». Поскольку реформаторам надо было демонстрировать положительные ре-

зультаты, придумали, что статистика многого не учитывает. Так возникла «дооценка» показателей, масштаб приписок был практически неконтролируемым. Было придумано только 0,4 % экономического роста, можно было придумать и больше.

Правительство также заявляло, что в 1997 году наблюдался рост в машиностроении. Но он в значительной степени был основан на импортных поставках, а тысячи российских производителей не работали. Ожидалось, что нефтяная и газовая промышленность станут локомотивами российской экономики. Но большая часть оборудования завозилась из-за рубежа, а заказы шли за границу. И тем более — все деньги. Экономическая среда была очень криминализована и исключительно агрессивна для нормального бизнеса. Бездарная политика правительства дополнялась позицией КПРФ и ЛДПР в Думе, которые только подбавляли бессмыслицы в законодательство. В результате даже появлявшиеся проблески роста не могли быть устойчивыми.

В конце 1997-го — начале 1998 года появились новые внешние условия — «азиатский кризис». По отношению к нашему кризису он был толчком, но не главной причиной. Из-за азиатского кризиса инвесторы стали пристально следить за тем, что происходит в России. И результаты наблюдений их поразили.

Они увидели, что в России развалились государственные финансы, что важнейшие

решения принимаются закрыто, на основе внутренних договоренностей и сделок, что система не имеет механизмов самосохранения. Так началось волнение среди инвесторов — они не видели источников, из которых Россия сможет рассчитываться по долгам.

Осознание необходимости уплаты Россией в 1999 году крупных сумм по внешним займам стало оказывать такое давление, что в начале минувшего года тревожные настроения стали всеобъемлющими. Уже весной неустойчивость российского рынка привела к тому, что котировки корпоративных бумаг начали снижаться, а доходность по ГКО быстро пошла вверх.

Условием залога российских ценных бумаг в западных банках была доплата разницы в валюте при снижении котировки бумаг на рынках. Разница росла каждый день. Семь крупнейших банков-операторов должны были постоянно рассчитываться по своим обязательствам, поэтому покупали много валюты. У ЦБ начались трудности: поддержание курса рубля и одновременная продажа большого количества валюты. В июле ЦБ тратил до 300 миллионов долларов в день. На рынке началась лихорадка.

Долг рос. Уже в начале лета стало ясно, что банки теряют способность рассчитываться. Они начали «сбрасывать» (продавать) ГКО. Полученный на Западе первый транш кредита МВФ был немедленно «спущен» — большей частью ЦБ на валютном

рынке для погашения долгов банков и Минфином на текущие бюджетные расходы. А это только отсрочило конец. Потом все резервы кончились. Пришло время решать, что делать дальше — очередной срок выплат по обязательствам крупнейших банков истекал 17 августа.

14 августа, в пятницу вечером, премьер Кириенко, председатель ЦБ Дубинин, министр финансов Задорнов, Чубайс и Гайдар собрались для принятия решения.

Олигархия в действии

Масштабный финансовый кризис был неизбежен. Рынок государственных ценных бумаг был гипертрофирован, на нем работало большое число нерезидентов. Рынок корпоративных бумаг был сильно разогрет, потому что считалось, что бумаги недооценены и их надо быстрее покупать. Все это происходило на фоне углубляющегося кризиса реального сектора. Разрыв между неработающей экономикой и положением на финансовых рынках должен был чем-то разрешиться.

Трудно было предвидеть, в каких формах это произойдет. Нельзя, например, было знать заранее, что государство возьмет на себя ответственность за коммерческие банки. Но о сроках обвала должны были знать те, кто был обязан платить по долгам.

Развязка в любом случае должна была

произойти до конца 1998 года: крупнейшие российские банки уже фактически были банкротами с реальной перспективой ареста их собственности и счетов за рубежом.

Естественным выходом из положения было бы следующее: девальвация курса рубля на рыночной основе, тем более, что удерживать его было невозможно. В этом случае государство могло оплатить свои обязательства по ГКО в рублях без объявления дефолта. Конечно, это привело бы к инфляции, прежде всего за счет падения курса рубля до 12-15 рублей за доллар. Однако в этом случае у ЦБ оставались бы валютные резервы (плюс кредит МВФ), которые могли бы помочь удержать курс в рамках нового коридора.

Если бы рубль был девальвирован и его курс был приведен в соответствие с имеющимися у государства валютными резервами, мы понесли бы большие потери, но сохранили платежную систему, даже при том, что некоторые крупнейшие банки обанкротились бы.

Кириенко и его советники решили действовать иначе. Правительство запретило 7 банкам рассчитываться по их собственным долгам. (Как будто они могли это сделать! Они и спустя девяносто дней не заплатили ни копейки ни кредиторам, ни большинству вкладчиков.) Таким образом государство взяло на себя всю политическую, финансово-макроэкономическую ответственность за выплату долгов банкиров.

Когда-то слова "олигархическая система" воспринимались так же абстрактно, как "империализм" и "капитализм". Но после 17 августа олигархическая система стала осязаемой — государство оказалось готовым буквально распластаться, чтобы защитить интересы смехотворно малого числа людей.

Мотивы 17-го августа

Конструкция решения от 17 августа настолько цинична и вызывающа, что ни о каких общегосударственных интересах здесь не может быть и речи. Оно не только ничего не могло дать российскому государству, но и поставило его на грань разрыва отношений со всем миром. Оно продемонстрировало готовность России отказаться от своих обязательств в одностороннем порядке с нарушением собственных законов в пользу узкой группы лиц.

Решение от 17 августа нарушило Гражданский кодекс РФ, запрещающий государству в одностороннем порядке отказываться от своих обязательств. В этом случае гражданин может подать на государство в суд, и суд обяжет государство заплатить. В Гражданском кодексе 1994 года впервые в российской истории были уравнены права гражданина и государства, что составляет основу гражданского общества и рыночной экономики. Нарушение этой основы ведет к разрушению всего остального.

В решении от 17 августа в буквальном смысле реализовался тезис об олигархической системе в России. Правительство, которое полгода говорило, что намерено бороться с олигархами (а первый вице-премьер Борис Немцов даже проводил по этому поводу специальные совещания) — это самое правительство приняло решение расплатиться за нескольких банкиров авторитетом страны и ее ресурсами.

С профессиональной точки зрения данное решение не выдерживает никакой критики. Из кризиса можно было выходить через девальвацию или отказ от обязательств. Но сделать и то и другое одновременно — подобные примеры сложно припомнить.

Накануне 17 августа Президент Ельцин заявил, что девальвации не будет. Участники финансовых рынков и представить себе не могли, что президент страны может делать безответственные заявления. Можно сомневаться в точности прогноза врача или в том, настолько он компетентен. Но в то, что врач вообще не понимает, что делает, поверить исключительно трудно. В нашем случае врач оказался совершенно некомпетентным.

Не исключено, что у некоторых из тех, кто принимал окончательное решение о заявлении от 17 августа, были личные мотивы; я о них не знаю.

Персональная ответственность

Шесть лет премьер-министром страны был Виктор Черномырдин. Он несет ответственность за то, что произошло. Надо только иметь в виду, что ни до, ни во время, ни после кризиса он так и не понял сути происходящего.

Сознательно рисковал Анатолий Чубайс — он рассчитывал «проскочить». Он не хотел ничего слушать, когда была полемика по Налоговому кодексу и объяснялось, что даже по формуле рейганомики нужно снизить налоги до предела. Когда говорили, что дело вообще не в Налоговом кодексе, а в том, что не с кого брать налоги.

Главную ответственность, конечно, несет Президент, потому что он принимает все основные решения. Но его мнение формируется подковерно, кулуарно. Например, при назначении Кириенко это делал Чубайс. Черномырдина убрали для того, чтобы группировка олигархов, противостоящая черномырдинской, через Чубайса и Кириенко продолжала решать свои вопросы. Предполагалось повторить «номер» с Гайдаром: великий президент и при нем гениальный мальчик. Только ситуация уже была другой.

Вскоре опять представилась возможность реванша. Когда при Кириенко случился обвал, который не является его прямой виной (его вина в том, что он согласился взяться за дело, которое было ему не по плечу), было решено навести порядок пос-

ле всего, что произошло: «убрать посуду» и «стереть пыль со стола». Для этого нужно было сменить Кириенко. Противостоящая группировка снова выдвинула Черномырдина.

Так принимаются решения — узкими, лоббирующими группами. И вот что такое была демократия в России — борьба олигархических кланов.

Рождение капиталов

Олигархов создала ельцинская система. Чем меньше опоры она имела в обществе, тем больше подкармливала отдельные "влиятельные" группы. Теряя социальную базу, президент Ельцин наращивал мускулы нескольких властных группировок, компенсируя отсутствие общественной поддержки. Это стало естественным продолжением номенклатурно-феодалного мышления советских руководителей и номенклатурно-феодалного стиля руководства страной, когда часть прежних руководящих кадров поменяла лозунги и "окружение". Барски жестокое отношение к людям от этого не изменилось.

Практически у нас сложилось что-то похожее на «избираемую монархию». А монарх ведет себя как хочет: одних приближает, других отдаляет. Конкретные фамилии не столь уж важны. Система, подобная нашей, существовала в Южной Корее, в Индонезии. Там, однако, в течение 30 лет происходил экономический рост. А российс-

кая советская номенклатура захотела обогатиться быстро, без особого труда и риска.

Советский Союз примерно с середины 60-х годов ничего не производил на экспорт, кроме некоторых видов оружия, нефти, газа, других полезных ископаемых. На этом экспорте держалась вся система Советского Союза: образование, наука, полеты в космос, вторая в мире по мощности армия, шпионы по всему миру, КПСС, ВЛСКМ, здравницы — все.

Так называемая либерализация освободила монополии от общественного контроля. В результате доходы, на которые существовала вся советская империя, перешли в руки нескольких группировок, численностью, вместе с семьями, в несколько тысяч человек. К этому свелось то, что называлось приватизацией. Отсюда отели, казино, дорогие рестораны, супердорогие магазины, сфера обслуживания, швейцары очень вежливые... Вот такое произошло перераспределение.

В 1993 году министром финансов был Борис Федоров, а Виктор Геращенко руководил ЦБ. В условиях высочайшей инфляции они зафиксировали курс рубля. На любой торговой операции можно было получить тысячи процентов доходов — например, на продаже жвачки. В стране инфляция, цены в рублях все время растут, а курс не меняется, и валютная выручка, валютные доходы, валютные прибыли дают до 1600% в год. Для большинства это, конечно, грабеж,

но не для всех — для отдельных особей просто рай.

В Москве скопилось 85% финансовых ресурсов всей России. Там платили налоги большинство нефтяных компаний и Газпром. Естественно, что появились сверхбогатые люди с возможностями покупать острова в Средиземном море или целые жилые кварталы в Лондоне, создавать собственные банки.

Владельцы капиталов становятся олигархами

Однажды, в 1996 году, после выборов, один из олигархов публично заявил, что самый лучший бизнес — это власть. И это так, потому что в России власть дает доступ к ресурсам и бесплатным возможностям. Например, все эти годы премьер-министром был самый главный во всей газовой промышленности олигарх. Поэтому проводилась политика «Газпром и Россия едины, неразделимы. Будет Россия — будет Газпром, будет Газпром — будет Россия».

Владельцы капиталов решили пойти во власть. Для этого им нужна была пресса, и они ее получили. Сегодня без помощи государства газеты не могут себя обеспечивать. Рано или поздно они просят помощи. Владельцы капиталов становятся владельцами прессы. Так делается еще один шаг на пути их превращения в олигархов.

Так создается олигархия — связь денег, власти и СМИ.

Олигархи пришли во власть во время выборов 1996 года, когда Ельцин уверовал в то, что эти люди дают ему правильные советы, потому что они помогли ему выиграть. Но не олигархи дали Ельцину деньги на выборы, а он им — за то, что они «обеспечили» избирательный процесс. А деньги Ельцин брал из бюджета. Отсюда история с ксероксной коробкой и с Потаниным, который стал первым вице-премьером.

Так устроена власть, олицетворенная в Борисе Ельцине. Она основана на советском способе мышления, совершенно не приспособленном для решения тех проблем, которые встают сегодня. Власти нужны какие-то советчики, но нет механизма их отбора. Партия, не коммунистическая, а гражданская, приходя во власть, имеет свои более или менее развитые институты привлечения людей. Сегодня же один человек нанимает себе всю политическую команду так же, как лифтера, вахтера и шофера. Два-три человека формируют его мнение. Часто это бывают родственники. Но как формировались их представления, чьи интересы они выражают, с кем общаются? При таком типе правления власть изолирована от общества.

В олигархах власть видела свою опору. Когда система работает закрыто, кулуарно, — самым умным оказывается тот, кто крутится рядом. Эти люди и вправду вовсе не

бесталанны. Иногда они руководят крупными предприятиями, они дают работу тысячам людей. Проблема в том, что их способности, умения, желания шли по тому направлению, который им предложило ельцинское государство. Жанры оказались спутаны: сосредоточенные в одних руках деньги, власть и пресса делают деньги — криминальными, власть — коррумпированной, а прессу — продажной.

Когда в 1997 году Анатолий Чубайс вернулся в Правительство, непрозрачность банковской системы, олигархичность сложившихся правил, повсеместная коррумпированность достигли таких масштабов, что он понял: так больше продолжаться не может. Даже Международный валютный фонд начал намекать на то, что обычно они не имеют дел с настолько коррумпированными правительствами.

Чубайс решил, что настало время воспользоваться формулой нормальной экономической системы, чтобы делать собственные дела под соусом борьбы с олигархической коррумпированностью. В свое время он сам создал ее вполне сознательно, написав на своем знамени "коррупция во имя демократии". Под этим лозунгом он провел приватизацию, залоговые аукционы и выборы Президента. И вот теперь он же объявил, что государство должно действовать по-честному.

"Нью-Йорк Таймс" грубовато, но точно написала про это, что он похож на прости-

тутку, которая на звонки своих прежних друзей вдруг отвечает: нет, я не выйду на крылечко, потому что я теперь замужем. Конечно, олигархи очень удивились: кто замужем, ты замужем?! После всего, что мы с тобой делали, после всего, что у нас было, ты теперь не выйдешь на крылечко?

Борис Немцов захотел подвести под это теоретическую базу, стал проводить семинары и конференции по борьбе с олигархией. Но ворон ворону глаз не выклюет. И это стало ясно 17 августа 1998 года, когда, несмотря на все войны и семинары, решения были приняты именно в пользу олигархии. Не Чубайс и Немцов проиграли, а ельцинская система выиграла.

Олигархия и ее влияние на власть

Олигархи думают даже не о собственном деле, а о собственном, личном кармане, и только. Они различают собственный бизнес и личный карман.

Некоторые обанкротившиеся в августе банки вместо того чтобы искать способ вернуть доверие к себе (ради спасения дела), попросили их национализировать во избежание уголовного преследования. В данном случае это означает, что государство не только должно само расплачиваться со всеми внутренними и внешними клиентами, но и заплатить банкирам за недвижимость. Одновременно они переправили оставшееся

у них средства в дочерние фирмы, ограбив сотни тысяч частных вкладчиков, в том числе и нарождающийся средний класс.

Олигархи влияют на власть, исходя из интересов собственного кармана. Именно они подтолкнули правительство к отказу от уплаты по внутренним долгам, хотя прямой необходимости в этом не было. В первые две недели сентября для поддержания коммерческих банков было выделено 12 миллиардов рублей. Можно было направить эти деньги на выплату долга по ГКО, а за август-сентябрь провести переговоры о его реструктурировании.

Еще один пример. 15 сентября 1998 года пришел срок платить по форвардным сделкам, как это происходило каждый месяц. На тот день сумма выплат составляла около 4 миллиардов долларов по курсу 7,8 рублей за доллар. Если бы курс был на уровне 20 рублей за доллар, как в начале сентября, то российские коммерческие банки должны были бы единовременно заплатить западным партнерам по 12,2 рубля за доллар за счет разницы курса. Это составило бы более 2 миллиардов долларов. И тут Россия снова показала всему миру, на что она способна.

Коммерческие банки, сговорившись с новым руководством Центрального банка, в течение нескольких дней «укрепили» курс рубля, и к утру 15 сентября доллар стоил 7,5 рублей. Нужно было платить — и они на один день сделали такой курс! Для этого

использовали в том числе и новый механизм электронного фиксинга курса рубля, и "чудо" совершилось. Уже не российские банки, а западные стали должны российским по 30 копеек на каждый доллар!

Более того, банковские аналитики предполагали, что на этот день российским банкам будут должны не 30, а 70 копеек. Закулисные манипуляторы не довели дело до этого только из-за несогласованности действий: на спектакле под названием "валютные торги" не все правильно сыграли свои роли. После героического прыжка обесцененный рубль упал туда же, где находился неделю назад. И в дальнейшем рубль может "укрепляться" подобным образом, и однажды указом Президента установиться на уровне 1961 года — 60 копеек за доллар. И тогда уже западным банкам будет трудно с нами расплатиться.

Так относятся к делу временщики. Банки работали примерно так, как работал бы магазин, если бы в нем продавали дрянные продукты. И бакалейщик сбежал незадолго до того, как у магазина собрались отравившиеся его колбасой люди. Такое отношение к делу определил способ, которым олигархи заработали право владеть своими компаниями. Ни приватизация, ни залоговые аукционы не создали эффективного собственника. Речь не о конкретных именах, а о тенденции.

После 17 августа ситуация изменилась. Некоторые олигархи стали отдавать себе

отчет в том, что произошло. Те, кто не собирается уезжать, должны воспринять этот урок. Они должны понять, что вернуть передовые позиции в российском бизнесе можно только при политической стабильности, реально работающей экономике, прозрачной банковской системе. Естественно, для этого нужно изменить отношения власти и бизнеса, отделить крупный бизнес от власти. У меня есть основания думать, что людей, которые это понимают, становится все больше.

ПРИЧИНЫ КРИЗИСА

Экономические причины

В России никогда не было капитализма — системы, при которой большинство страны относится к среднему классу, имеет собственность и соответствующие доходы, определенные накопления, жилье, автомобиль, и не на последнюю копейку может учить своих детей, лечить родителей. Не было равного доступа к ресурсам, к собственности.

В 1992 году, в момент пика массового признания правоты идеологического антикоммунизма, вместо реальной приватизации была проведена ваучерная чехарда. Именно на это был психологически израсходован ресурс массовой надежды на Запад и западные ценности. В результате не появился ни реальный собственник, ни реальная частная собственность. Граждане страны вновь оказались бесправными.

Президент России так никогда и не заявил о неприкосновенности частной собственности. Поэтому появляющиеся деньги вкладываются не в Россию, а отправляются куда-нибудь на Кипр — там ча-

стная собственность неприкосновенна.

Президент и ни одно из его правительств так и не поняли, что частная собственность — это не только «заводы, газеты, пароходы» мистера Твистера с сигарой и бабочкой но и — прежде всего — 100 долларов тети Шуры, вложенные в Сбербанк. Власть не понимает, что частная собственность — любая копейка у нас в кармане, и никто не имеет права ее отобрать, хотя бы и под благим предлогом помещения ее в Пенсионный фонд. Все, от этой копейки и до большого завода, — и есть частная собственность.

В России не создано реальной банковской системы.

Что такое банк в США, в Европе? Это специализированный институт, который берет деньги у экономических субъектов и населения, вкладывает их в промышленность и потом, получив процент, возвращает. Банки как частные инвесторы, думают, во что лучше вложить деньги: в текстильную промышленность или в лесоперерабатывающую, в машиностроение или авиацию.

Что такое банки в России? Учреждения, которые специализировались на том, чтобы взять деньги из бюджета и отправить их на на тот же Кипр. Или же на эти деньги купить какие-нибудь российские же ценные бумаги. Но конечный пункт деятельности — «Кипр» — неизменен. Эти банки — не локомотивы экономики, а примитивные финансовые спекулянты.

В России концепции банковской систе-

мы как концепции, развивающей экономику, просто не было и вопрос об инвестировании в промышленность вообще не стоял ни у одного из наших банков. Да и зачем? В хорошее время за операции с ценными бумагами они получали доходы около 30-40%, а в кризисные моменты — от 60% до 200%. Зачем им нужна лесная или любая другая промышленность? Кроме торговли наркотиками и оружием, нигде такую прибыль не получить.

Не была проведена демонополизация. В 1992 году реформы могли пойти по двум направлениям. Одно было связано с пониманием либеральной реформы как освобождения общества от советских монополий, подобных Газпрому, МПС, РАО ЕЭС, эдакого гигантского молочного завода, который душит крестьянские хозяйства монопольным спросом, а потребителя — монопольным сбытом.

Другой подход — освобождение самих монополий. В один прекрасный день им объявили, что они могут делать все, что хотят. И они делали: устанавливали произвольные цены, продавали, что хотели, потому что действовал не частный собственник, не товаропроизводитель, не экономический агент, а прежняя советская монополия. А она должна оставаться под общественным контролем до того момента, пока не будет реструктурирована, и не попадет в конкурентные условия.

Так вот, как раз "либерализация" моно-

полий и была осуществлена. Она привела к отвратительному чванству по отношению к среднему и малому предпринимательству. Все было отдано на откуп государственному и негосударственному рэкету. Малый и средний бизнес так и не стал двигателем экономики.

Правительству не удалось предотвратить ухода в тень очень значительной части экономики.

Правительство не смогло остановить сворачивание промышленности.

Инфляция подавлялась исключительно механически: не платили зарплаты и пенсии. Хотя обусловлена инфляция в России структурными причинами, а не только нездоровой бюджетной или денежной политикой. В России 3/4 промышленных предприятий производит никому не нужную продукцию или простаивает. Предприятия не реструктурируют, но и людей не увольняют. Надо платить зарплату, хотя она ничем не обеспечена. Это и есть основа инфляции.

Не был решен земельный вопрос, несмотря на все декларации и попытки. Всеми своими действиями правительство усиливало спад в сельском хозяйстве.

Не была реформирована расходная часть бюджета. Ничего не было сделано по реформе армии, образования, медицины. Нереформированность расходной части бюджета приводила к тому, что денег нужно было все больше и больше, как в советское

время, а брать их было неоткуда. Правительство не смогло или не захотело проявить достаточную изобретательность для того, чтобы решить эту проблему. Все предложения сводились к увеличению внутренних и внешних заимствований.

Правительство не добилось удовлетворительной работы государственного аппарата, не способствовало формированию квалифицированной, ответственной и относительно законопослушной деловой элиты.

Все это привело к созданию криминально-олигархической монопольной системы, в которой деньги, власть и пресса сосредоточились в одних руках, а 40% ВВП создается в тени.

В результате была достигнута только временная искусственная финансовая стабилизация. Так примитивизировались реформы.

Политические причины

В основе политических причин кризиса — исключительно авторитарная Конституция и Президент, чье историческое время закончилось задолго до его переизбрания на второй срок. Президентская власть Бориса Ельцина сегодня парализует решение любых реальных проблем.

Российская политическая жизнь напоминает полет в самолете, где все расселись по местам, кто где, и все время голосуют. В результате голосования люди передвигаются

из первого класса в «бизнес», потом в «экономический», но в кабину пилота войти не может никто.

А в кабине пилота как раз и находится Борис Николаевич с совершенно непрофессиональной командой. Они рассматривают стрелочки на приборах и поражаются тому, что эти стрелочки показывают. И никто из салона не может проникнуть в кабину, чтобы сказать, что самолет уже давно летит не туда, куда все купили билеты. Кстати, капитана вообще не интересует, куда взяли билеты все эти пассажиры, куда собрались лететь. А у тех стойкое ощущение, что самолет просто падает. Но благодаря тому, что высота была набрана большая, он пока еще не упал.

Когда в салоне начинается шум, к ним высылают стюардессу, и она предлагает водички, конфеток, чтобы граждане утомнились, но в кабину пилота по-прежнему никого не пускают. Там неплохо вооружены на тот случай, если кто-нибудь все-таки попробует захватить пилотское кресло. А время от времени по радио передают сообщение: "Внимание, говорит капитан корабля и посылает вас всех подальше".

Граждане всё равно пытаются провести демонстрации, например, 7 октября, но делается это из чувства самосохранения осторожно, потому что разгерметизация самолета или смещение центра может привести к очень тяжелым последствиям.

Еще одна причина кризиса заключается

в том, что не произошло передачи власти от партноменклатуры новой политической элите. Руководителем либеральных реформ оказался кандидат в члены Политбюро КПСС, первый секретарь Московского горкома КПСС Борис Ельцин. Вот такого либерала увидел мир.

При нем сформировалась связь: деньги — власть — деньги' — власть'. Деньги давали власть, власть давала еще большие деньги, деньги давали еще большую власть, еще большие деньги и т.д. Так это свивалось в единый клубок.

Режим был не в состоянии оценить демократические институты, поэтому власть не вела системной политической работы по созданию гражданского общества. Ельцин не ставил цели создания гражданской политической партии и не создал ее. Формирование правительств Черномырдина, Кириенко, Черномырдина' и Примакова наглядно демонстрирует беспомощность нынешней системы. Новые кадры брать неоткуда, правительство формируется как правление колхоза.

Информационные причины кризиса и свобода прессы

Демократическое государство создает условия для работы прессы, а российское правительство никогда не ставило это своей задачей. Поэтому в России основные

СМИ так или иначе зависят от тех самых людей, которые заставили всю государственную машину работать на себя. Судьба этих людей и принадлежащих им финансовых структур непосредственно отражается на политике прессы. В наших СМИ говорить о действительно важных вещах и вовремя объяснять их можно далеко не всегда. Пресса могла предупредить о надвигающемся кризисе. Но она принадлежит все тем же олигархам, поэтому такие предупреждения ей не с руки.

Наивно было бы предполагать, что в течение 3-4 лет у нас появится пресса с глубокой демократической традицией, определенными правилами поведения, нужным уровнем профессионализма и квалификации. Так не бывает. Пришли новые, зачастую случайные и неглубокие люди. Им нелегко проникнуть в суть вещей, осмыслить подоплеку сегодняшних событий. Увлечение "византийской" политической игрой и сплетнями, понимание роли журналиста как пропагандиста заставляет их активно выражать интересы своих хозяев. Но обижаться на это — неправильно, потому что пресса такова, какова жизнь.

Если правительство Примакова заинтересовано в том, чтобы в стране была свободная пресса (а сам Примаков должен быть в этом заинтересован — тогда она ему поможет, хотя работать с ней будет нелегко), оно немедленно должно принять меры, чтобы сделать прессу максимально финансово не-

зависимой как от государства, так и от олигархов. Тогда журналистам придется зарабатывать себе на хлеб только качеством своих материалов, а не работать по заказу того или иного клана.

— О МОРАЛЬНОЙ СТОРОНЕ ДЕЛА

Утилизация мечты

В конце 80-х годов были довольно четкие представления о том, чего мы хотим достичь. Открытость общества, свобода слова, равенство всех перед законом, избираемость власти — понятные вещи, которые и составляют основу стабильности и самосохранения общества.

Однако, в нашей мирной революции эти высокие понятия оседлали люди, которые руководили страной и раньше. Они приспособили демократические принципы для того, чтобы быть везде принятыми и получать кредиты на Западе. В новой системе самыми ненужными, изгнанными из политической жизни оказались те, кто платил своей свободой за идеалы демократии — диссиденты.

У власти остались те же, но их возможности стали больше, чем в тоталитарной системе. Тоталитарная система, услышав голос внутреннего оппонента, сильного диссидента, должна была немедленно что-то предпринимать: уничтожить его или со-

гласиться, чтобы нивелировать. Например, Сахаров говорил: надо прекратить войну в Афганистане. В начале восьмидесятых его ссылали и выбрасывали из жизни. Во время перестройки — соглашались и прекращали войну. Теперь — собака лает, ветер носит. Можно говорить, что вздумается. Эта полудемократия, квазидемократия тем и страшна, что власть дает возможность говорить, но будет делать, что ей хочется. И найдет собственных собак, которые тоже будут лаять.

Многие люди, увидев свет, стали кричать: свобода, свобода, а это просто с клетки сдернули тряпку.

Можно говорить о трех рубежах, проходя через которые, режим все больше вызывал протест, отторжение и апатию со стороны тех, кто своим голосованием наделил его властью.

Эпизод гражданской войны в Москве в октябре 1993 года, танки, которые стреляли по парламенту, погибшие случайные свидетели столкновения, — все это вновь продемонстрировало, что при попытке передела власти у нас, как и прежде, пригодны абсолютно все средства. Наспех дописывается и принимается без обсуждения очень "сырая" Конституция, в значимость которой как основного закона страны сама власть с очевидностью не верит.

В 1994 году началась серия широко известных политических убийств, и оказалось, что власть и олигархия лишь использовала

их в своих корпоративных интересах. Действия по раскрытию подменили громкой риторикой и обозначили путь к вседозволенности. Заказное убийство стало новым стандартным средством борьбы за власть и влияние.

Чеченская война унесла жизнь по меньшей мере десятков тысяч человек. Она не имела общественной поддержки, но и не встретила активного протеста общества. По ее поводу заявлений протеста было намного меньше, чем по поводу невыплат заработной платы. Оказалось, что действительно почти что вовсе нет ограничителей, которые могут помешать манипулировать положением в стране.

Со всей наглядностью проявилось отсутствие в России гражданского общества. Во время чеченской войны те "радикальные либеральные реформаторы", которые остались в правительстве, совершенно недвусмысленно стали прикрытием преступного политического курса. Как некоторые члены ЦК КПСС на кухне ругались по поводу войны в Афганистане, так наши вице-премьеры в частных разговорах осуждали чеченскую авантюру. И это несмотря на всю ту власть, влияние, наконец, известность, которые они могли противопоставить войне. В то же время открытой демократической оппозиции и в этой ситуации, и в последующем так и не удалось выработать эффективный механизм давления на власть.

Стиль проведения реформ

Главным словом, определяющим способ ведения реформ, было слово ЛОЖЬ.

Самым большим обманом в экономике стали постоянные разговоры о том, что не сегодня-завтра правительство сможет правильно собирать налоги. (И это говорилось в условиях, когда 80% экономического оборота составляют бартер и денежные суррогаты.) Дошло до того, что в 1997 году, когда Анатолий Чубайс был первым вице-премьером, отвечающим за экономику, некоторые крупные мировые экономические информационные агентства приняли решение не цитировать цифры Чубайса.

Реформы велись с мечтой о русском Пиночете. Все время говорили, что для успеха реформаторам не хватает власти. Неправда. Для успеха не хватало мозгов и совести, а не власти. Власть у них была, пресса была, долго отсутствовала организованная оппозиция. И желание перемен в 1990-92 гг. было так велико, что люди готовы были терпеть. Но единственное, что могла власть, — это транслировать чужие суррогатные финансовые программы. Реформаторы упустили шанс, который был дан.

Реформы велись авантюрно. Ельцин поручал правительству то 6 важных дел, то 12, то 26, среди которых все время были выплаты по долгам, пенсиям и зарплате бюджетникам. Правительство обязывало нефтяные компании заплатить налоги, чтобы оно мог-

ло выплатить бюджетникам зарплату. Для этого компании брали кредиты на Западе. Сегодня к ним опять предъявляются повышенные претензии, но с них уже нечего взять. Продажи нефти заложены вперед, и все доходы останутся за границей в расплату за полученные кредиты, которые правительство вынуждало их брать год назад.

Реформы проводились теми, кто не только не пользовался поддержкой среди граждан, но вызывал полное отторжение, особенно в последние годы. Так, назначение Анатолия Чубайса на любую должность не может дать сегодня ничего, кроме проблем. Пример тому — решение Думы ограничить участие иностранного капитала в пакете РАО ЕЭС, которое было вызвано исключительно неприятием личности Чубайса.

Способ ведения реформ основан на презрении к людям, отношению ко всем, как к «совкам» и «быдлу»: кто выживет, тот и молодец.

Можно ли было сделать по-другому? Можно и должно.

Прежде всего нужно было обеспечить стабильность правовых институтов, дееспособность судебной системы. Принять законы, обеспечивающие прозрачность переходной экономики, всех без исключения решений, связанных с реформой, и на этом строить ее основу.

Надо было понимать смысл ответственности за людей, не относиться к ним как к пушечному мясу. Хотя бы частично пони-

мать, в какой стране мы живем и в какой хотим жить. На этом строить открытую и логичную программу, если не долговременную, то среднесрочную. Не потому, что в жизни выполняются программы, но потому, что деятель, у которого нет никаких внятных принципов и позитивных планов своей работы, неминуемо превращается во временщика.

Коррупция на службе демократии

Всегда и везде есть люди с природным даром предпринимательства. Это качество может быть благородно, направлено на пользу общества, особенно, если государство этому способствует. Но предпринимательство может быть беспредельно «эгоистично» и, если этому опять же способствует государство, разрушительно для общества. Наша система оказалась именно такой.

При встрече с Ельциным во время выборов в мае 1996 года, я ему сказал: "Борис Николаевич, коррупция очень сильна. Дело плохо". Он пожал плечами и ответил: "Ну что же, Россия...". У Ельцина никогда не было высокого порога чувствительности к коррупции. Он на это смотрел сквозь пальцы. Он позволял злоупотреблять властными полномочиями, считая, что укрепляет этим свою власть. Он не наказал ни одного человека. Ни за что.

Было и такое: внушали, что коррупция может быть на службе демократии. В этой

области губернатор — демократ, поэтому проверок не надо. А там не демократ — давайте его проверим, что-нибудь найдем и накажем. Такие примеры известны. «Борис Николаевич, нам мешают работать. Я вас всегда поддерживал, я вам преданный человек, а ко мне опять контролеры пришли с какими-то проверками, остановите это, они мешают работать, мешают строить демократию». Или исполняющий обязанности Генерального прокурора попадает в тюрьму, начинает давать показания, потом прекращает, а общество так 5 лет и не знает, в чем дело.

Коррупция существует во всем мире. Но в одних странах власть и общество борются с ней, а в других — нет. В России правящий класс сформировала номенклатура. Его главное свойство — цинизм. Если вы придете к высокопоставленному чиновнику и скажете: «Я хочу получить дачу, или землю, или что-то еще», то вам это за ту или иную услугу дадут. Но если вы придете и скажете, что вы хотите, чтобы в России был экономический рост, то максимум, что они сделают — это оформят вас в поликлинику бывшего 4-го Главного управления. Прямо к психиатру. Они таких мотивов не понимают.

Москва и москвичи

В результате реформ Москва выиграла больше всех в стране. Москвичам как бы

выдали путевку в будущее, но они должны были понимать, что это ненадолго. Жители Москвы каждый день слышали, что стране не платят зарплату, пенсии, что ничего не работает, разваливается буквально все, нарастают суицидальные настроения, в армии происходят совершенно неприемлемые вещи...

Страны Западной Европы опасаются таких процессов даже у соседей. Они волнуются, что нищает Албания, они боятся за себя. У нас Москва жила как отдельное государство, и проблемы страны не очень волновали москвичей. В этом отношении проявилось то новое, что действительно удалось внедрить в сознание в результате реформ: каждый сам за себя.

Сейчас и Москва начинает жить, как Новосибирск. Те, кто лишаются работы в Москве, волей-неволей вспоминают учителей, научных работников, инженеров, офицеров, шахтеров, артистов, которые были без работы и зарплаты все эти 6-7 лет.

Роль Запада в нашем кризисе

Подавляющее большинство граждан западных стран желают России добра. Поэтому западные политики последние 10 лет имели мандат на то, чтобы всерьез повлиять на Россию и помочь ей. Другое дело, как западные политики воспользовались этим мандатом, как они его реализовали.

К сожалению, на Западе плохо понимают, что происходит в России, поэтому у них поверхностный подход к нашим проблемам. А ведь в глубине подхода лежит суть отношений.

Приведу такую аналогию. Представим себе, что вместо моральных, нравственных, интеллектуальных правил и опыта — всего того, что родители обязаны передать детям, они будут просто выдавать им деньги. Ребенок приходит и спрашивает: "Как мне поступить?" А ему дают 20\$ — и точка.

Конечно, это утрировано. Но нас долго уговаривали бросить увлечения коммунизмом и социализмом. Россия, наконец, согласилась. И что же нам сказали? Вот вам 30\$,

идите, тут у нас ужин, вам сюда нельзя, а вон там в "Макдональдс" можно.

Собирается "Семерка" и решает, сколько дать денег России. Приезжает американский президент и спрашивает:

— Как поживаете, Борис Николаевич?

— Хорошо поживаю.

— Что Вы здесь делаете, Борис Николаевич?

— Я здесь провожу реформы.

— Какие реформы, Борис Николаевич?

— Радикальные экономические реформы, рыночные.

— О, это прекрасно!

Поцелуи, объятия, пожатия рук, пыль, звуки марша. На этом все заканчивается.

Корни такого отношения лежат в истории взаимоотношений СССР и Запада. Запад одновременно поддерживал отношения с советским руководством и умудрялся налаживать самостоятельные каналы общения с советскими людьми через радиостанции "Би-Би-Си", "Свобода", литературу. Люди не могли не оценить этого. В 1991г. Запад имел в СССР огромный кредит доверия.

Но потом во взаимоотношениях России с Западом произошли большие изменения. На Западе по совершенно формальной причине решили, что Россия стала окончательно демократической страной. Примерно такой, как Великобритания или Швейцария. И разговаривать с нами нужно, как с Великобританией: не с людьми, а с Президентом Ельциным, премьер-ми-

нистром Гайдаром, министром иностранных дел Козыревым.

Чем больше в страну приезжало экспертов, тем больше для них выделяли грантов или фондов. Чем больше профессоров приезжало изучать, что происходит в России, тем больше денег отпускалось их университетам. Тем лучше они хотели говорить о России. Так создавалось общественное мнение и в России, и на Западе.

Это была грубая ошибка. Для создания реально работающей демократической машины требуются десятилетия. Кто бы ни был избран, он еще долго не будет представителем своего народа в полном смысле слова. Так что этот двойной канал общения — с российскими государственными структурами и с гражданами может быть полезен и необходим еще долго.

Пока разговаривали только с президентом, — перестали замечать и понимать, что же происходит в стране. Что написали бы западные газеты, если бы в Советском Союзе не платили годами зарплату? Если бы 1 сентября в Советском Союзе не открылось 6 тысяч школ? Если бы вдруг оказалось, что в Советской Армии распродают оружие? Если бы СССР начал воевать в Чечне? Если бы в СССР пошла волна заказных убийств? Газеты писали бы, что СССР — это "Империя Зла", и плач по несчастным советским людям стоял бы до неба. Сегодня все это происходит в России, и никакого внимания. Почему? Демократия!

И еще одно. Мы очень благодарны иностранным экспертам и специалистам за помощь. Но в России нужно или работать с полной отдачей или давать советы с меньшей настойчивостью. В дореволюционной России иностранные и русские инженеры, которые строили мосты, стояли под ними вместе, когда проходил первый поезд.

Вместо того, чтобы активно иметь дело с гражданами 150-миллионной страны, Запад удовлетворился контактами с политической элитой и с олигархами, с миром "особо важных персон". Словами "президент, нефть, газ, космос" и парой десятков ключевых фамилий заслонили всю страну.

Российские реформы как фактор внутренней политики западных стран

В отношениях России с Западом лидирующую роль брали на себя США при вынужденном согласии Европы и Азии. Например, в 1991-92 годах на переговорах по увязыванию советского и российского внешних долгов представители немецкой, японской делегаций говорили в кулуарах, что не все решения, которые принимаются "Семеркой", выгодны для России. Однако отказывались подтвердить это на официальном заседании из-за нежелания испортить отношения с американской делегацией. В ответ на предложения российской стороны министр финансов Японии прежде всего

осведомлялся, согласованы ли эти предложения с Вашингтоном.

Российские реформы стали своеобразным фактором внутренней политики США и, в значительной степени, Германии. Выборы президента США были связаны с успехами российских реформ, что негативно отразилось на России, потому что не позволяло американцам честно оценивать происходящее и открыто говорить об этом.

Признать неэффективность российских преобразований и все более карикатурный характер российской демократии для США и Германии становилось политически опасно. Ответственность перед налогоплательщиками, государственные кредиты, кредиты МВФ, предприниматели, поверившие своим лидерам и предоставившие деньги России, — все это налагало на них обязательства. Именно поэтому лидеры США и Германии не могли инициировать новую специальную программу помощи России через "Семерку". Это значило признать, что в течение нескольких лет они поддерживали в России не тех политиков и не те реформы.

И чем больше реформы заходили в тупик, тем сложнее становилось политически от них отмежеваться. Дальше — больше. Критика политики Клинтона и Коля в отношении реформ в России стала активно использоваться их политической оппозицией, поэтому сегодня после ухода с политической арены Коля и всей этой истории с импичментом президенту США, после оконча-

тельного краха мифа об успешности экономических реформ в России можно достаточно уверенно утверждать, что эпоха благосклонного отношения к российским реформам закончилась.

К тому же череда финансовых кризисов и потрясений заметно ослабила потенциал международной финансовой помощи России.

Западные инвесторы

В деятельности инвесторов есть два принципиально различных направления. Одно из них — многочисленные портфельные инвесторы, которые лишь играют на биржах, как в казино, и зарабатывают на конъюнктуре. Это направление спекулятивного капитала. В условиях мощного реального сектора в экономике биржа является весьма эффективным инструментом перелива капитала на открытом рынке.

Другое "возглавляет" Уоррен Баффет. Он умудряется получать доходы под 40-60 процентов в год без портфельных инвестиций, только с инвестициями в реальное производство. Он считает принципиально неверным разогрев рынка за счет спекулятивных капиталов.

Прямых инвестиций в российскую промышленность, в производство практически не было. Нам выделялось 2 млрд долларов, а Китаю — 30 млрд долларов в год. Возможность отказа от долгов была весьма оче-

видна. Инвесторы шли на огромный риск, поскольку должны были понимать, что проводят спекулятивные операции в стране, где не платят армии, но предлагают 200 процентов доходов по ценным бумагам.

Однако долги нужно отдавать, и этот вопрос рано или поздно нам придется решать.

Роль МВФ

В любом советском министерстве всегда был отдел писем и заявлений трудящихся. По такому же принципу организован и Международный валютный фонд.

Лидерам западных стран надоело, что за ними бегают представители не столь развитых и не столь западных стран и все время просят денег. Поэтому они создали «отдел писем и заявлений», куда и поступают все просьбы. Однако, поскольку денег там не безграничное количество, были разработаны правила, по которым эти деньги получить довольно трудно. МВФ выдвигает формально правильные условия получения денег, и они должны выполняться. Условия обычно очень простые: доходы бюджета соответствуют расходам, новые деньги не печатаются, безвозвратные кредиты не выдаются, курс национальной валюты по отношению к доллару стабилен, цены не растут и т.п. Однако, для правительств многих стран-должников исполнение правил МВФ означает почти немедленную политическую смерть.

В очереди за деньгами МВФ оказалась и Россия. И что же?

Можно спорить, насколько вообще МВФ удачно справляется со своими обязанностями, если финансовый кризис в мире начинает принимать волнообразный характер. Можно спорить, какие программные положения МВФ были правильные, а какие — нет. И хотя российское правительство совместно с МВФ выстроило финансовую пирамиду, обвинять в этом иностранных советников и организации все же нельзя. Все решения принимало российское правительство. Если вам предложат прыгнуть в окно, вы можете прыгать или нет, но решать вы будете сами. Вам только дали совет.

Безусловно, 90% вины за случившееся несут российское правительство, президент, все российские политики. В то же время МВФ делал многое, что не касалось экономики и определялось ложными политическими мотивами, и поэтому продолжал отдавать деньги западных налогоплательщиков правительству России даже тогда, когда фактически субсидировал чеченскую войну, закрывая глаза на то, что работает с очень сильно коррумпированным правительством.

Конец «американо-азиатских» иллюзий

По существу в России была применена рискованная и во многом коварная тактика, которая в 80-е годы именовалась «рейга-

номикой». Во многом сегодняшние экономические успехи Клинтона основаны на фундаменте, который был заложен именно тогда.

В чем был смысл такого подхода? В сочетании значительного бюджетного дефицита с политикой жестких денег. Это означало низкие ставки налогов для корпораций (которые тогда, воспользовавшись этим, заложили основы сегодняшнего экономического роста), и высокие процентные ставки доходности привлечения иностранного капитала на рынок госбумаг для покрытия бюджетного дефицита, что позволяет сохранить низкие темпы инфляции. Как только иностранный капитал уходил из страны, американцы поднимали процентные ставки и снова втаскивали его на свой рынок. При этом, очень важная составляющая успеха этой формулы состоит в том, что доллар является резервной валютой № 1 в мире.

У нас же все происходило иначе. Полностью отсутствовало понимание того, что происходит в собственной стране, в чем состоит отличие России от США, в чем отличие постсоветской экономики от американской. Стиль разговоров с Западом сводился к тому, что российское правительство приходило в МВФ и говорило: "Что нам нужно сделать, чтобы получить у вас деньги?" А должно было говорить: «Вот наша программа. Если хотите, помогите нам ее реализовать». В начале реформ политически Россия могла выдвинуть любую разумную про-

грамму и получить поддержку, даже если бы МВФ не очень хорошо ее понимал и относился к ней с сомнением.

На Западе приняли опасную формулу отношений с Россией, потому что, на взгляд официальных экспертов, она могла быстро принести результаты. Их обнадеживала рейганомика. И был опыт Сухарто. Западные лидеры ожидали от российских реформ политического успеха. В Индонезии в 60-х гг. Сухарто жестоко подавил коммунистический путч. За это Запад закрыл глаза на все, что Сухарто делал. Кончилось это тем, что каждое такси в Джакарте теперь принадлежит семье президента. При активной поддержке Запада запаса прочности Сухарто хватило на 30 лет. В начале 90-х еще мало кто мог предвидеть его будущий экономический и политический крах.

Ельцин оказался в похожем положении. Он — лидер, который “положил конец” существованию коммунизма в России. За это ему прощали все. Дальше — больше. Появились интересы, пришел иностранный капитал, он стал следить за тем, чтобы правила игры не менялись, чтобы условия выполнялись. Так сработала эта ловушка.

Сегодня Россия оказалась перед лицом новых реальностей: помощь со стороны международных финансовых институтов и ведущих стран Запада в ближайшем будущем сократится, а требования и контроль за использованием предоставленных средств увеличатся.

Опасности

Есть три главные опасности, связанные с кризисом в России, которые не могут не волновать.

Во-первых, ядерное оружие и его распространение; утрата контроля за его хранением и использованием в России.

Вторая проблема — преступность. Огромная часть населения, прошедшая школу в нашей армии, не имеющая никаких представлений о гражданских нормах, лишённая работы, лишённая перспектив. Постоянно распродаваемое с воинских складов современное оружие. Военные продают свое оружие, чтобы заработать себе на жизнь. Так закладывается основа организованной преступности, экстремизма.

И третье — опасность экологических катастроф. Операторы атомной электростанции в Ленинградской области объявляют голодовку в связи с тем, что им не платят зарплату по 5-6 месяцев. В таких условиях может случиться любая экологическая катастрофа.

Эти опасности во сто крат усилятся, если будут углубляться тенденции распада Российской Федерации, а Запад недальновидно возьмет курс на изоляцию нашей страны, на замораживание контактов с нашими гражданами.

Политические последствия

Хочется найти положительные стороны в том, что случилось 7 лет назад. Правительство реформаторов сделало одну полезную вещь: оно показало, что можно жить иначе. Пусть все, что было продемонстрировано людям, было словно в гипнотическом сне, было следствием займов, кредитов, а не развития российской экономики. Но люди увидели, что можно жить более обеспеченно, более комфортно, — будем надеяться, что все это сослужит хорошую службу. Печально, что все это было продемонстрировано далеко не всей стране.

Естественно, что после такого постыдного и всестороннего краха политики, которая активно проводилась правыми и поддерживалась многими западными странами, маятник общественных настроений пошел резко влево.

Опросы последнего времени показывают, что все, что не связано с либеральными подходами к экономике, имеет решающую поддержку. Например, осенью 1998 года за

запрет хождения доллара высказывалось примерно 44% населения, за другие меры административно-репрессивного типа — свыше 60%, большинство готово было поддержать едва ли не планирование. Откат влево был неизбежен. Главное — остановить увеличение амплитуды.

Сегодня в России левое правительство. Слишком крупная неудача и слишком быстрая неудача на левом крае может иметь своим следствием приход крайне правых, которые всегда смыкаются с крайне левыми. Могут появиться претенденты в диктаторы. Такова логика политической жизни.

А если пока они и не просматриваются на горизонте, то кто-то легко может в них перекраситься, как в свое время Ельцин перекрасился в демократа. Если появится ощущение, что народ сейчас хочет именно такого диктатора, то несколько кандидатов в президенты с интересом и желанием надедут военную форму.

Мучительный конец советской системы

Суть длившегося шесть лет кризиса состоит в том, что в такой мучительной форме уходит с политической арены советско-коммунистическая номенклатура. Почти все, что делалось под видом реформ, было обслуживанием в идеологическом, практическом, экономическом плане ее интересов. Для нее собирали деньги с неразумного Запада.

Находясь в услужении у партийной номенклатуры, создавали условия для ее превращения в олигархию.

Когда-то Карл Поппер в книге "Открытое общество и его враги" писал, что есть две системы, которые подавляют свободное общество: фашизм и коммунизм. Российский опыт показывает: номенклатурный, олигархический капитализм, не связанный границами гражданского общества, превращается в хищную систему, пожирающую и саму себя, и всё окружающее. «Дикий» капитализм становится системой, антагонистической открытому гражданскому обществу.

Такого рода капитализму невыгодно развитие гражданских партий — ему будет сложно справляться с парламентом. «Дикий» капитализм препятствует зарождению свободной прессы — она начнет писать правду, в том числе и о нем. Ему опасны все гражданские институты вообще — работающие суды, прокуратура, органы местного самоуправления. Открытая рыночная экономика — погибель для «дикого капитализма», потому что кладет конец приватным договоренностям и криминальным сделкам. И «дикий капитализм» душит открытую рыночную экономику.

Так все и произошло в нашей стране. И в этом — суть нашего кризиса.

Сегодня заканчивается период потемкинских деревень, период квазиреформ, обслуживающих интересы 10% населения.

Будет ли повторение? Возможно, судя по тому, какие тенденции сейчас преобладают. Но приведет оно к фарсу, потому что трагедия уже состоялась. Слишком многие люди оказались обманутыми.

Почему так случилось? У нас Президент — член Политбюро, а премьер-министром в течение шести лет был бывший член ЦК КПСС. И в странах СНГ почти везде во главе — те же самые члены ЦК и Политбюро. И не просто, так сказать, лично во главе, но со всем своим самым худшим прошлым багажом. Мир изменился, страны другие. Но никто не пытается управлять по-иному.

В 1991 году мог наступить конец старой системы. Мы оказались к этому не готовы. Получился странный и трагический "переходный" период, когда лучше не вспоминать, — от чего и страшновато думать, — к чему. Сможет ли Россия на этот раз обойтись без революции, ведь революции в нашей стране происходят не из-за экономических кризисов, а из-за морального отторжения общества от власти — вопрос открытый. Сможет ли Россия выдвинуть новое поколение политиков — вопрос открытый. Сможет ли Россия передать власть от номенклатуры в новые руки — вопрос остается открытым. Сможет ли Россия установить действительно демократический, открытый и безопасный способ

принятия решений, или еще долго придется выбирать между завхозами, генералами и "бумажными" чиновниками? Через десять, максимум через пятнадцать, лет в стране не будет уже ни одного представителя высшей советской номенклатуры, способного претендовать на власть. Кто придет им на смену? Ведь скоро вырастет поколение граждан, которые никогда не жили в условиях советской коммунистической действительности.

В чем главный урок кризиса? В том, что государство, построенное на коррупции и лжи, рано или поздно отторгается обществом. В том, что в таком государстве никогда не будет работающей экономики. Говорить, что так устроен мир, что «ворюги милей, чем кровопийцы», — хорошо в стихах. В экономике, в реальной жизни другие правила и другие законы: все силы произвола исключительно охотно заключают между собой союз против общества.

Власть сегодня

Утвердив правительство Евгения Примакова, удалось избежать перерастания политического самодурства в новый гражданский конфликт. Примаков, по крайней мере на короткий период, обеспечил политическую стабильность. Но его деятельность на посту премьер-министра не смогла (и, возможно, не могла) обеспечить продвижение вперед. Нет оснований считать, что Евгений

Примаков хочет возврата к худшим временам тоталитаризма или склонен активно ввергать Россию в очередную кровавую авантюру. Но также практически несомненно и то, что нынешнее правительство демократию способно представлять себе прежде всего на бумаге, в отрыве от людей. Оно работает с бумагами, с должностными лицами и не воспринимает политических сигналов, не воспринимает того, что идет от людей. В этом плане оно ничем не отличается от всех без исключения предыдущих советских и российских правительств. Сегодня это таит в себе крайнюю опасность: при помощи Евгения Примакова политический кризис удалось оттянуть, но, если его правительство так и не сможет решить ни одной конкретной проблемы людей, этот кризис может произойти уже в ближайшем будущем, и он будет еще острее, чем мог бы быть раньше.

Правительство Примакова не смогло подойти к решению содержательных задач, хотя трудно говорить, что оно ограничено в полномочиях. Оно должно было само активно искать контактов с серьезными экспертами независимо от их формального ранга. Оно должно было по многим вопросам куда более четко определиться политически. Оно не должно было отмалчиваться в ответ на выходки экстремистов и националистов. Трудно отказаться от ощущения, что правительство где-то исподтишка машет реакционерам: "давай, давай!".

Правительству Примакова предлагалось

сделать очень решительный шаг, который позволил бы начать собирать в России налоги. Для этого надо установить такой подоходный налог, который люди, при всем их недоверии к любой власти вообще, будут платить, потому что это будет психологически проще, чем не заплатить — 10% процентов от заработка. С людей надо снять обязанность указывать конкретный источник их дохода, — лишь бы это были не криминальные деньги.

В ответ на новый разгул преступности правительство ничем не в состоянии помочь честным милиционерам, честным следователям, судьям. Зато оно, как это у нас очень принято, занялось странной неправовой риторикой.

Несколько слов о поиске перспективы

О перспективе сейчас говорить очень трудно, потому что при сегодняшнем системном кризисе определяющим может оказаться какой-то небольшой политический штрих, какая-то случайность.

Тем не менее, хочется высказать надежду на то, что у страны хватит здравомыслия избежать распада, войны и диктатуры.

Среди всех самых серьезных опасностей нельзя не выделить одну исключительно важную. Она состоит в апатии и разочаровании граждан. Все честные люди должны объединиться, чтобы дать стране надежду.

Россия такая страна, что она не может выйти из кризиса лишь посредством прагматизма и технократии. Люди лишь тогда проявят себя как активные и солидарные друг с другом граждане, когда будут понимать, какое именно общество они имеют шанс построить, во что они будут вкладывать свои силы, свою энергию, свой избирательный голос. Это должна быть не утопия, а здравая конкретная цель, обращенная к каждому, и прежде всего к тем, кто приходит на смену, кто никогда не жил в условиях советской коммунистической действительности.

В начале XX века здоровой альтернативой потрясениям, войне, как правой, так и левой диктатуре выступало постепенное объединение всех стран европейской культуры. Из этого тогда ничего не вышло. Может быть, имея перед собой опыт уходящего века, стоит попробовать вновь пойти в том же направлении. Многие конкретные предпосылки для этого есть. Европейское Сообщество 15 западноевропейских и скандинавских государств все в большей мере выступает в качестве единого политического и экономического субъекта. К 2002 году к нему присоединятся, по меньшей мере, еще 6 стран. Единая валюта Европейского Сообщества станет во многих странах расчетной единицей наравне с американским долларом. Вся западная граница России и стран СНГ будет представлять собой границу с объединенной западной и центральной Европой. Таким образом, у нас и наших бли-

жайших соседей останется только два варианта развития: или интегрироваться в ту систему, которая создается на западе от нас в нашем непосредственном соседстве, с ее исключительно развитой структурой правовых отношений, с устоявшимися отношениями собственности и с отлаженным механизмом социальной защиты, или изолироваться в вечном поиске несуществующего отдельного пути с беспрерывными внутренними конфликтами и конфронтацией со всем миром.

Россия и страны СНГ, несмотря на все происшедшее разорение, имеют огромный потенциал. Прежде всего, это люди. Затем — территория, природные ресурсы, готовые площадки для развития производства, система коммуникаций.

Если в течение ближайших пяти лет удастся получить стабильный рост в размере 4-6 % ВВП, то к 2015 году (а может быть, и раньше) у России будут все основания претендовать на вступление в Европейское Сообщество. Конечно, перед этим надо будет провести коренную правовую реформу, реформу всей правоохранительной системы. Провести реформу армии, изменить военную концепцию. Все это реально, и никто не должен этого бояться. От того, насколько демократично, насколько честно пройдут ближайшие парламентские и президентские выборы, и от того, за какие идеи и принципы на них проголосуют избиратели, зависит жизнь нашей страны надолго вперед. Очень может быть — навсегда.

Вместо заключения

Прошедшие семь лет обернулись для граждан нашей страны разочарованием и обманутыми надеждами. Те, в чьих руках была сосредоточена высшая политическая власть в России и в СНГ, употребили ее прежде всего в собственных интересах. Используя доверие людей, они продолжали управлять в духе советских номенклатурных традиций, опираясь на реакционные силовые ведомства. Сотням тысяч человек это стоило крови и жизни. Миллионы были обмануты и утратили перспективу достойного существования.

Настоящая экономическая реформа, по сути, так и не была начата. Не выяснены отношения собственности, для этого не создана даже полноценная правовая база. Предпринимательство не получило экономической свободы. Вместо этого свободу практически ото всяких обязательств обрели советские добывающие монополии. Собрана гигантская масса грязного криминального и теневого капитала, который стал оказывать прямое и непосредственное влияние на политику.

Глубоко ошибочной и ложной оказалась концепция, согласно которой капитал сам по себе способен создать рыночные отношения, поднять производство и способствовать развитию демократии. Настоящего рынка нет. Свободой слова в полной мере пользуется лишь узкий круг лиц.

Одно из следствий допущенных ошибок — в том числе и то, что сейчас 30 миллионов граждан России активно поддерживает коммунистическую партию. Крайне опасные последствия такого выбора категорически нельзя недооценивать, они видны совершенно отчетливо. Возможности демократической оппозиции повлиять на власть оказались ограниченными. Заявлять раз за разом честную позицию и вносить конструктивные предложения — недостаточно.

Сейчас нашей стране нужна стратегия, вокруг которой могли бы объединиться все те, кто по-прежнему считает демократию в России национальной ценностью.

Мы убеждены в том, что будущее — только за свободной мирной страной, власть в которой на всех уровнях, какова бы она ни была конкретно, несет демократическую ответственность перед всеми гражданами. Мы убеждены в том, что Россия должна сохранить свою целостность, внутреннее многообразие и не должна иметь никаких территориальных претензий к кому бы то ни было. Мы убеждены в том, что всякое преступление должно быть с неотвратимостью раскрыто и справедливо наказано цивилизованным правосудием. Мы убеждены в том, что ничье человеческое достоинство нельзя унижать и что дискриминация недопустима. Мы убеждены в том, что минимальная социальная защищенность любого человека на территории России — нравственная

и конституционная обязанность государства при любой конкретной политике.

Считая преступным любой национализм, мы особенно отмечаем пагубность антисемитизма, зловещая роль которого наложила непоправимый отпечаток на нынешнее столетие.

Мы выступаем за то, чтобы Россия с ее человеческим потенциалом развивалась как европейская страна и в течение ближайших двух десятилетий смогла найти свой путь в правовое и экономическое пространство объединенной Европы.

Кто бы конкретно ни побеждал на выборах, именно в этом мы видим залог преодоления самых худших альтернатив истории, возможность осторожного, но постоянного прогресса. Мы видим шанс сохранить Россию независимой политически и экономически, мирной и не несущей опасности ни себе, ни другим. Это трудно, но, несмотря на то, что между нами есть расхождения в конкретных взглядах, мы готовы сделать все, что от нас зависит, чтобы этот шанс реализовался.

Лучший выбор России в XXI веке — стремление к свободе, демократии и справедливости для всех ее граждан, и мы убеждены, что этому нет исторической альтернативы.

Москва, октябрь-декабрь 1998 года

Центр экономических и политических исследований (ЭПИцентр) основан в 1991 году Г. Явлинским и группой экономистов. ЭПИцентр известен, как разработчик экономических программ "500 дней", "Согласие на шанс", "Договор об Экономическом сообществе", "Нижегородский пролог" и другие.

Издательство "ЭПИцентр" создано в 1995 году. Вышла в свет серия книг "Между прошлым и будущим. Политика, экономика, социология". Авторы — известные ученые, политологи, экономисты Г. Явлинский, Ю. Буртин, Л. Баткин, И. Бушмарин, Г. Водолазов, Л. Гудков, Б. Дубин, А. Конопляник, М. Субботин, В. Писигин, Д. Фурман.

Готовятся к изданию "Труды ЭПИцентра" (название условное), "Законодательство Норвегии по нефти и газу", а также книги по тематике "Становление гражданского общества в России".

Адрес: 101000, Москва, а/я 696, "ЭПИцентр".

Явлинский Григорий Алексеевич

**"КРИЗИС В РОССИИ:
конец системы? начало пути?"**

Художник Л.А. Аниканова

Издательская лицензия № 030643, выдана 28.04.95

Комитетом РФ по печати

Подписано в печать 28.04.99. Формат 60x88/16.

Печать офсетная. Объем 4,5 печ. л.

Тираж 100 000 экз.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Производственно-полиграфическом предприятии
"Типография НАУКА" РАН
Москва, Шубинский пер., 6

Зак. 717

В 80-е годы одной из острейших проблем мировой экономики стал долговой кризис ряда развивающихся стран. Если посмотреть лет на 5 вперед, то совершенно очевидно, что в России, несмотря на все отсрочки и пересмотры долгов, дело идет к точно такой ситуации. Ни российское правительство, ни правительства стран Запада как будто бы не хотят этого видеть.»

Григорий Явлинский
11 августа 1993 года,
«Литературная газета»

**С Вашими вопросами, предложениями
и пожеланиями обращайтесь:**

«Объединение ЯБЛОКО»

Адрес: 121019, Москва, ул. Новый Арбат, д. 21, 18 эт.

«Объединение ЯБЛОКО»

Тел.: (095) 202-8072, 290-5594

Факс: (095) 202-7399

Расчетный счет: ИНН 7704037690

ОПОО «Объединение ЯБЛОКО»

р/с № 40703810980000006020

в ЗАО «Банк Развития и Реструктурирования»,

БИК 044585851, к/с 30101810700000000851

по г. Москве

Фракция «Яблоко» в Государственной Думе РФ

Адрес: 103265, Москва, ул. Охотный ряд, д. 1

Фракция «ЯБЛОКО»

Тел.: (095) 292-8942

Читайте страницу «ЯБЛОКО» в Internet

<http://www.yabloko.ru>